

ДРУГОЙ — понятие современной философии, представляющее собой персонально-субъектную артикуляцию феномена, обозначенного классической традицией как «свое иное» (Гегель) и обретающее статус базового в рамках современного этапа развития философии постмодернизма (см.

After-postmodernism), фундируя собой стратегическую программу «воскрешения субъекта». Данная программа формируется в поздней (современной) философии постмодернизма на основе своего рода коммуникационного поворота в артикуляции философской проблематики.

Оформление коммуникационной (современной) версии постмодернистской философии осуществляется на базе синтеза идей диалогизма, высказанных в рамках неклассической философии (экзистенциальный психоанализ, современная философская антропология, философская герменевтика, философия католического аджорнаменто и философская концепция языковых игр). — Прежде всего, сюда относятся идеи о так называемом «коммуникативном существовании»: «бытие-с» у Хайдеггера, «событие с Д.» у Сартра, «бытие-друг-с-другом» у Бинсвангера, «отношение Я — Ты вместо Я — Оно» у Бубера, «преодоление отчаяния благодаря данности Ты» у О.Ф.Большова, «малый кайрос» как подлинность отношения Я с Ты у Тиллиха и т.п. Так, например, в рамках данной постмодернистской программы чрезвычайно актуальное звучание обретает тезис Сартра «мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия, Для-себя отсылает к Для-другого», — подлинное бытие «Я» возможно лишь как «бытие-с-Пьером» или «бытие-с-Анной», т.е. «бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» (Ж.-П.Сартр).

Столь же созвучной оказывается для коммуникационной стратегии постмодернизма позиция Рикера, полагавшего, что «исходный образец обратимости обнаруживает себя в языке — в контексте интерлокуции. В этом отношении показателен обмен личными местоимениями: когда я говорю другому «ты», он понимает это для себя как «я». Когда же он обращается ко мне во втором лице, я переживаю его для себя как первое. Обратимость затрагивает роли как говорящего, так и слушающего, предполагая — как в отправителе, так и в реципиенте сообщения — способность указать на себя. Но обратимы только сами роли. —

Идея незаместимости учитывает личности, которые эти роли играют. И в дискурсивной практике, в отличие от языковой интерлокуции, незаместимость проявляется в фиксированном использовании местоимения «я», его закреплении. Способ бытия есть, по Сартру, «быть увиденным Д.», подобно тому, как

механизм конструирования «Я» основан, по Гадамеру, на «опыте Ты», и главное содержание этого опыта есть «свободное перетекание Я в Ты». —

Каждый из коммуникативных партнеров не только «является значащим для другого», но и «обусловлен другим», и именно поэтому, по словам Левинаса, «каждый, кто говорит «Я», адресуется к Другому». В такой системе отсчета возможна лишь единственная форма и единственный способ бытия «Я» — это бытие для Д., зеркало которого заменило собою разбитое зеркало прежнего объективного и объектного мира классической культуры.

В противоположность классической философской традиции, в рамках которой определенность человеческого сознания задавалась его интенцией отношения к объекту (и даже в противоположность постмодернистской классике, в рамках которой децентрированная субъективность неизменно была погружена в текстологически артикулированную среду: как писал Гадамер, «игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой»), современная версия постмодернизма определяет сознание посредством фиксации его интенции на отношение к Д. Фигура Д. становится фундаментальной и конститутивной семантической структурой в современных попытках постмодернистской философии реконструировать понятие субъекта.

Вектор отношения субъекта к Д., в постмодернистском его видении, — это «метафизическое желание», репрезентированное в грамматическом звательном падеже (Левинас). (В сущности, в данном моменте современная культура вновь воспроизводит в своем философском дискурсе фигуры традиционной восточной натурфилософии: в частности, в постмодернистской концепции Д. могут быть усмотрены аналогии с древнекитайской концепцией спонтанности «цзы-жань», предполагающей самоопределение сущности посредством резонирования с другими (Другими) сущностями того же рода — «лэй». — Отсюда реминисценции постмодернистской философии по поводу традиционной восточной философии: программный «антиэллинизм» Деррида, обращение Кристевой к философии Китая, универсальный интерес постмодернизма к дзен-буддизму и т.п.) Результатом коммуникации выступает вновь обретенное философией постмодернизма «Я» — «Я», найденное, по Делезу, «на дне Д.». Так, по оценке Деррида, «фрагментарный человек» может быть собран только посредством Д. Таким образом, несущей организационно-смысловой фигурой современной версии постмодернистской философии становится фигура субъект-субъектных отношений (коммуникации).

Центральная проблема постмодернистской концепции Д. конституируется как проблема подлинности коммуникации: как отмечает Лакан, «как только... ребенок столкнется с Другим, он немедленно теряет свою былую невинность и начинает защищаться от реальности посредством языка».

В данном контексте даже в ситуации предельно коммуникативной, а именно — в ситуации отношения к Богу, «человеку нужна ложь, нужен посредник», ибо «не нужно веры, когда есть знание ложного мифа» (Жирар). В этом отношении подлинность субъект-субъектных отношений, позволяющая идентифицировать их как коммуникативные, может быть зафиксирована по такому критерию, как их неопосредованность. Максимальная степень последней возможна именно в отношении к Богу, ибо «христианский посредник сам себя устраняет» (Жирар), однако Бог не может рассматриваться как Д. в полном смысле этого слова, поскольку, выступая в качестве коммуникативного партнера для субъективного Я, Бог, тем не менее, не конституируется в качестве Д.: «Бог — не Другой. Это — Бог» (Гвардини).

М.А. Можейко, Д.В. Майборода